МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ПЕНЗЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт: Юридический
Кафедра: «Государственно-правовые дисциплины»
Направление подготовки (специальность): 40.03.01 Юриспруденция
Профиль: Правозащитная деятельность

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

на тему Право на образование и его реализация в современной России

Студент (ка) 17ЮЮ3 _____ Старкина Александра Владимировна
номер группы | подпись, дата | фамилия, имя, отчество полностью

Научный руководитель к.ю.н., доцент
должность

ПГУ _____ Александрова А.В.
наименование организации | подпись, дата | фамилия, инициалы

Консультанты:

по _____ _____ _____
наименование раздела, звание, должность | подпись, дата | фамилия, инициалы

по _____ _____ _____
наименование раздела, звание, должность | подпись, дата | фамилия, инициалы

по _____ _____ _____
наименование раздела, звание, должность | подпись, дата | фамилия, инициалы

Нормоконтролер: к.и.н., доцент _____ Логачева Н.В.
должность | подпись, дата | фамилия, инициалы

Работа допущена к защите (протокол заседания кафедры от _____ №_____)
Заведующий кафедрой _____ Романовская О.В.
(подпись) (фамилия, инициалы)

Работа защищена с отметкой _____ (протокол заседания ГЭК от _____2021 г. №___).
Секретарь ГЭК _____ Вдовина Т.Е.
(подпись) (фамилия, инициалы)

Пенза 2021

ПЕНЗЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Юридический институт

Направление «Юриспруденция»

УТВЕРЖДАЮ

Зав. кафедрой ГПД
название
_____/ О.В. Романовская /
(инициалы и фамилия)
«__» _____2021 г.

ЗАДАНИЕ

на выпускную квалификационную работу студентки гр.№17ЮЮ3

Старкиной Александры Владимировны

1. Тема работы Право на образование и его реализация в современной России

2. Научный руководитель доцент, к.ю.н. Александрова Анна Викторовна

3. Дата выдачи задания 19.04.2021 г.

4. Срок сдачи студентом законченной работы 04.06.2021 г.

5. Перечень подлежащих разработке вопросов:

- права и свободы личности: понятие, классификация;
- понятие и сущность права на образование;
- история законодательного регулирования права на образование в России;
- проблемы правового регулирования реализации дистанционных образовательных технологий в условиях распространения новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации;
- проблемы правового регулирования практической подготовки обучающихся в образовательных организациях высшего образования;
- пути совершенствования законодательства в сфере реализации права на образование.

6. Консультанты по работе, с указанием относящихся к ним разделов работы

Раздел	Консультант	Подпись, дата	
		Задание выдал	Выполненное задание принял
Введение		19 апреля 2021 г. Александрова А.В.	30 апреля 2021 г. Александрова А.В.
Право на образование в системе прав личности		30 апреля 2021 г. Александрова А.В.	12 мая 2021 г. Александрова А.В.
Проблемные аспекты реализации права на образование в современной России		12 мая 2021 г. Александрова А.В.	25 мая 2021 г. Александрова А.В.
Заключение		25 мая 2021 г. Александрова А.В.	4 июня 2021 г. Александрова А.В.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 5
1 ПРАВО НА ОБРАЗОВАНИЕ В СИСТЕМЕ ПРАВ ЛИЧНОСТИ 8
1.1 Права и свободы личности: понятие, классификация 8
1.2 Понятие и сущность права на образование 18
1.3 История законодательного регулирования права на образование в России 26
2 ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ОБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ 31
2.1 Проблемы правового регулирования реализации дистанционных образовательных технологий в условиях распространения новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации 31
2.2 Проблемы правового регулирования практической подготовки обучающихся в образовательных организациях высшего образования 38
2.3 Пути совершенствования законодательства в сфере реализации права на образование 52
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 56
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ 59

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования права на образование и его реализации в современной России проявляется в том, что сегодня образование является не просто одним из важнейших конституционных прав человека, но и инструментом наилучшей реализации иных конституционных прав. Вместе с тем в настоящее время накопились ряд проблемных аспектов реализации права на образование, начиная от достаточности и качества общего образования в период распространения коронавирусной инфекции, заканчивая проблемами дистанционного образования в высших учебных заведениях. Указанные обстоятельства могут свидетельствовать о необходимости научного осмысления проблем и противоречий законодательства, регулирующего общественные отношения, которые возникают в связи с реализацией конституционного права на образование.

Институт конституционного права на образование стал объектом исследований многих отечественных ученых, среди которых необходимо выделить: А.А. Лихолетова, Е.В. Медведева, Н.Н. Надежина, А.А. Павлова, Н.В. Панову, М.Н. Попова, Д.В. Прохоренко, А.Ф. Пьянкова, И.М. Середу, А.А. Соловьева, С.В. Суханова, Т.Д. Устинову, Е.В. Хромова, С.А. Чернякова, Ю.В. Чукичева, М.Д. Шапсугову, С.А. Щеглову и других отечественных деятелей юриспруденции.

Объектом исследования настоящей выпускной квалификационной работы являются общественные отношения, возникающие в связи с реализацией конституционного права на образование.

Предметом исследования выступают нормативно-правовые акты, регулирующие общественные отношения, возникающие в связи с реализацией конституционного права на образование, а также правоприменительная практика в данной области.

Цель работы заключается в актуальном анализе проблем и противоречий общественных отношений, возникающих в связи с реализацией

конституционного права на образование.

Задачами исследования выступают:

- разработка понятия и классификации прав и свобод личности;

- анализ понятия и сущности права на образование;

- исторический анализ законодательного регулирования права на образование в России;

- выявление проблем правового регулирования реализации дистанционных образовательных технологий в условиях распространения новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации;

- выявление проблем правового регулирования практической подготовки обучающихся в образовательных организациях высшего образования;

- определение путей совершенствования законодательства в сфере реализации права на образование.

Материалы данной работы могут быть использованы при чтении лекционных курсов и в практике преподавания курса конституционного права в ВУЗах, при подготовке учебных и методических пособий для студентов и преподавателей. Материалы работы могут оказать помощь при подготовке к научным конференциям и семинарским занятиям, в написании рефератов, курсовых и дипломных работ, а также статей.

В работе использовался широкий круг источников и литературы, касающихся вопросов реализации конституционного права на образование в современной России.

Методологическая база исследования сформировалась в результате изучения и использования большого теоретического и практического материала, нормативно-правовых актов, официальных документов, литературных источников и публикаций. Это вызвало необходимость применения разнообразных методов исследования, в числе которых системный, конкретно-исторический, структурно-функциональный, поисковый, а также метод сравнительного правоведения.

Структура работы продиктована целью и задачами исследования. Настоящая работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованных источников и приложения.

1 ПРАВО НА ОБРАЗОВАНИЕ В СИСТЕМЕ ПРАВ ЛИЧНОСТИ

1.1 Права и свободы личности: понятие, классификация

Конституционные права и свободы - это закрепленные в Конституции и гарантированные государством возможности, позволяющие каждому человеку и гражданину свободно и самостоятельно избирать вид и меру своего поведения.

Отечественные юристы единодушны в том, что основные права, свободы и обязанности составляют общественно-правовой институт, но они расходятся относительно его содержания. Если большинство считают, что в этот институт следует включать все записанные в конституции права, свободы и обязанности граждан, то некоторые, напротив, полагают, что к нему относятся не все, а лишь те права, свободы и обязанности, которые непосредственно связаны с функционированием государственной власти[1].

Существует мнение, что конституционные права, свободы и обязанности в совокупности составляют государственно-правовой институт, ибо они все закрепляют место человека, его положение в обществе и государстве. Конституционные права, свободы и обязанности фиксируют правовое положение граждан не в целом, а лишь его основы.

Для этих прав, свобод и обязанностей характерен ряд признаков. Конституционные права, свободы и обязанности:

- являются основными;

- составляют юридическую базу для всей системы прав, свобод и обязанностей;

- обладают наивысшей юридической силой;

- подлежат повышенной защите.

Основными они являются потому, что опосредуют наиболее существенные, коренные отношения между государством и его гражданами в

[1] Лепешкин А.И. Курс советского государственного права. М., 1951. Т. 1. С. 21.

связи с их местом в важнейших областях жизни и деятельности. Но, будучи основными по содержанию, соответствующие юридические возможности могут стать таковыми по форме, если они будут закреплены в Основном Законе государства.

Конституционные права, свободы и обязанности являются юридической базой для всех прав, свобод и обязанностей человека и гражданина, записанных в текущем законодательстве, ибо они содержат исходные, принципиальные положения в той или иной сфере регулирования общественных отношений.

Свойство наивысшей юридической силы означает, что все другие права, свободы и обязанности должны соответствовать конституционным. Обеспечение конституционным правам, свободам и обязанностям высшей юридической силы является гарантией незыблемости всего правового статуса человека и гражданина.

Классификация прав и свобод может осуществляться по различным основаниям, однако надо иметь в виду, что она зачастую весьма условна, ибо оказывается, что одно и то же право, одна и та же свобода или обязанность могут одновременно принадлежать к двум или более классификационным группам[1].

Следует обратить внимание на проводимое в Конституции РФ разграничение основных прав и свобод на права и свободы человека и гражданина. Устанавливая различия между статусом человека и гражданина, Конституция РФ восстанавливает те общечеловеческие ценности, которые нашли воплощение в Декларации независимости 1776 года, Билле о правах 1789 года (США), Декларации прав человека и гражданина 1789 года (Франция). Разграничение вытекает из различения гражданского общества и государства.

Итак, в зависимости от субъекта обладания правом выделяют права

[1] Гриб В.В. Академические права и свободы - ключевой принцип взаимодействия государства и высших учебных заведений // Российский судья. 2021. № 4. С. 26 - 31.

человека и права гражданина. Эти две категории обычно упоминаются в одной «связке», однако их содержание не тождественно. Права человека проистекают из естественного права, а права гражданина - из позитивного, хотя те и другие носят неотъемлемый характер. Права человека являются исходными, они присущи всем людям от рождения, независимо от того, являются ли они гражданами государства, в котором живут, а права гражданина включают в себя те права, которые закрепляются за лицом в силу его принадлежности к государству (гражданство).

Права гражданина охватывают сферу отношений индивида с государством (сферу публичных интересов), в которой он рассчитывает не только на ограждение своих прав от незаконного вмешательства, но и на активное содействие государства в их реализации. Статус гражданина вытекает из особой правовой его связи с государством - института гражданства (ст. 6 Конституции РФ).

Другое основание классификации также связано с характером субъектов прав, свобод и обязанностей. Речь идет о разделении прав, свобод и обязанностей по форме осуществления на индивидуальные и коллективные. Индивидуальное право часто может осуществляться коллективно, но отличие его от коллективного права в том, что оно вполне может осуществляться и защищаться индивидуально, тогда как коллективные права по своей природе не могут осуществляться индивидуально. Например, право на забастовку коллективное потому, что индивидуальная забастовка не забастовка, а прогул[1].

Классифицировать права и свободы, а равно и обязанности, можно на основные и дополнительные. Последние производны от первых и конкретизируют их. Например, право участвовать в управлении государством - основное право, а избирательные права производны от него, суть одно из его проявлений.

[1] Пибаев И.А., Симонова С.В. Алгоритмы в механизме реализации конституционных прав и свобод: вызовы цифровой эпохи // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 6. С. 31 - 50.

По степени абсолютизации выделяют абсолютные права, не подлежащие ограничению ни в коем случае, и относительные.

Права можно различать по времени возникновения. Отсюда появление понятия «поколение» прав человека. В современных теориях прав человека наблюдается тенденция относить к новому поколению такие права, которые конкретизируют индивидуальные права первых двух поколений (право на отличие, право на тишину и покой и др.), а также ряд коллективных прав (право на солидарность и право на международное общение).

Но наибольшее значение имеет традиционная классификация соответствующих прав, свобод и обязанностей по содержанию:

- личные или гражданские права, свободы и обязанности (ст. 19 - 28 Конституции РФ);

- политические (ст. 29 - 33 Конституции РФ);

- социально-экономические и культурные (ст. 34 - 44 Конституции РФ) (возможно наименование «социально-культурные»).

В настоящее время большую роль в реализации конституционных прав и свобод играют всевозможные алгоритмы. Так, современный период можно охарактеризовать как время широкого распространения алгоритмов и технологий обработки больших данных, перехода от информационного общества к алгоритмическому. Конечной целью использования подобных систем может выступать упрощение и ускорение выполнения отдельных аналитических операций, а также получение выводов, значимых для государственно-властных и иных решений. Вполне закономерно, что на этом фоне повышается актуальность вопросов о влиянии алгоритмических технологий на сферу конституционных прав человека[1].

Согласно широко разделяемой в юридической науке точке зрения, права в области оборота электронной информации (информационные, цифровые права) не составляют принципиально новое поколение прав человека. По

[1] Харитонов С.И. Гарантии конституционных прав и свобод граждан в условиях особых правовых режимов // Юрист. 2020. № 12. С. 53 - 58.

мнению В.Д. Зорькина, указанные явления скорее опосредуют выделение новых аспектов в содержании универсальных прав человека - свободы самовыражения, права на уважение частной и семейной жизни, прав в области оборота информации[1]. Ученый подчеркивает, что развитие новых цифровых способов коммуникации между людьми приводит к обогащению содержания традиционных прав, изменению их сути. Однако не стоит упускать из виду и то, что в определенных случаях широкое использование алгоритмов может приводить к искусственному сужению содержания и, в конечном счете, ограничению традиционных прав человека.

Применяемые в современных условиях алгоритмы оказывают значительное влияние на сферу прав человека, однако каждая категория прав испытывает подобное влияние в разном объеме. Традиционно и вполне справедливо считается, что использование алгоритмических систем таит в себе особые угрозы для личных и политических прав - для права на неприкосновенность частной жизни, свободы выражения мнений, а также для права на участие в управлении делами государства посредством демократических процедур. Кроме того, в связи с тем что алгоритмы и основанные на них технологии искусственного интеллекта построены на обработке поступающих из внешней среды сведений, под особой защитой в алгоритмическом обществе должны находиться права субъектов персональных данных.

Взаимосвязь алгоритмов и прав в социально-экономической сфере не столь очевидна, однако также существует. Как показывает опыт отдельных зарубежных государств, потенциал алгоритмов, используемых в предиктивных целях и в целях автоматизации процесса принятия решений, может стать объектом пристального внимания государственных структур, исполняющих социальные обязательства. Подобное является возможным в случае стремления государства использовать цифровые инструменты для

[1] Зорькин В.Д. Право будущего в эпоху цифр. Индивидуальная свобода или сильное государство? // Российская газета. 2020. №7. С. 15.

целей контроля правомерности получения гражданами пособий либо раскрытия мошеннических схем в сфере социальных выплат, налогов и занятости.

Например, в Нидерландах роль такого инструмента на протяжении нескольких лет выполняла система SyRI - правительственная система автоматизированного анализа данных о гражданах, получающих социальные пособия. Система представляла собой особую техническую инфраструктуру, которая выводила так называемые отчеты о рисках, содержащие заключение о необходимости проведения дополнительного расследования в отношении тех или иных граждан на предмет возможного мошенничества и незаконной деятельности. Составленные таким образом отчеты подлежали хранению и могли в дальнейшем использоваться иными заинтересованными в них органами. Впоследствии было установлено, что данная система избирательно внедрялась в бедных регионах страны и использовалась в целях слежки за наиболее уязвимыми категориями граждан.

В аналогичных целях алгоритмы применяются и в Великобритании, где по итогам масштабной социальной реформы была введена единая социальная выплата взамен шести ранее существовавших видов пособий. Параллельно в стране развивается полностью автоматизированная система оценки и предупреждения рисков в социальной сфере. Функционирование системы непрозрачно и лишает граждан возможности понимания и оспаривания решений, влияющих на их материальное благосостояние. Перевод же всего процесса коммуникации по поводу социальных выплат в цифровую среду поставил некий барьер между государством и бедными гражданами, не имеющими доступа к цифровым ресурсам и Интернету.

В целях обозначения процесса цифровизации социальных государственных сервисов и задач в практике даже был введен особый термин - цифровое социальное государство. Специальное исследование особенностей функционирования подобных цифровых социальных систем было проведено Специальным докладчиком ООН по вопросам крайней нищеты и прав

человека, который отметил появление в цифровых социальных государствах серьезных проблем в области соблюдения прав человека и особенно прав на неприкосновенность частной жизни и на социальные гарантии.

По мнению докладчика, глубинные основания вскрытых проблем преимущественно упираются в желание национальных правительств поставить цифровые инструменты на службу оптимизации бюджетных расходов. Подобная экономия потенциально достижима за счет снижения объема социальных выплат через уменьшение количества их получателей. Это, в свою очередь, приводит к использованию цифровых инструментов для решения узкополитических задач и бьет по имиджу социального государства.

С учетом вышеизложенного, а также на основе анализа современной юридической практики ниже выделяются основные направления воздействия алгоритмов на правовой статус личности и механизм реализации конституционных прав.

Как уже ранее отмечалось, алгоритмические системы имеют весьма непрозрачную природу, сближающую механизм их действия со своеобразным черным ящиком. При внедрении алгоритмов в юридическую практику и в механизм принятия юридически значимых решений отмеченная непрозрачность таит в себе угрозы противоправного ограничения прав граждан, которые, не понимая сути работы алгоритма, могут быть лишены возможности предпринять своевременные действия по защите своих прав. В подобных условиях полноценное обеспечение прав человека возможно лишь в случае наделения граждан особыми правами, направленными на объяснение механизма и особенностей работы используемых систем.

Предпринятое исследование показывает, что современные алгоритмы оказывают значительное влияние на сферу личных, политических и социально-экономических прав человека, в том числе в части влияния на общие условия и гарантии соблюдения, реализации и защиты прав отмеченных категорий. Высокое значение алгоритмов для правозащитной практики предопределяют их такие важные характеристики, как

непредсказуемость, способность к выделению и пониманию причинных связей, чувствительность к предрассудкам и уязвимость к ошибкам, а также значительный регуляторный потенциал. Именно эти свойства должны стать объектом пристального внимания законодателя и правоприменителя, заинтересованных в минимизации юридических рисков, сопровождающих эксплуатацию алгоритмических систем. Как видится, основные векторы правовой политики в этом отношении должны учитывать следующие обстоятельства.

Во-первых, становление алгоритмического общества сопровождается появлением новых правовых сущностей, новых субъектов и объектов права, усложнением системы общественных отношений и связей. В рамках них совершенно в новых масштабах и формах обрабатываются данные граждан, и все это ставит закономерные вопросы о наделении последних новыми правами. В данной работе подчеркивается и обосновывается особая значимость таких прав человека, как право на объяснение, право на забвение и информационную идентичность, фундамент гарантирования которых медленно, но верно формируется на национальном и межгосударственном уровнях.

Указанные права могут быть закреплены как в законодательных, так и в конституционных актах. Например, обращает на себя внимание инициатива рабочей группы Национального собрания Франции «Цифровая демократия и новые формы гражданского участия» о закреплении в национальной конституции гарантий доступа к алгоритмам как составной части права на информацию[1]. Однако не стоит преуменьшать значимость законодательного регулирования. Безусловно, в современных реалиях возрастает пласт узкокорпоративного определения статуса пользователей цифровых платформ и правил обработки данных на них без участия государства. Однако такая практика не лишена недостатков: это и заинтересованность частных

[1] Пилипенко А.Н. Франция: к цифровой демократии // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 4. С. 185.

субъектов, и отсутствие независимого контроля за их обработкой информации, и непрозрачность принимаемых решений.

В то же время именно на государство возложена задача по поиску путей сотрудничества с частными корпорациями, применяющими алгоритмы, в направлении выработки неких общих рамочных правил, гарантирующих процедуры запроса и получения обоснований принимаемых решений, удаления личной информации и возмещения вреда, причиненными незаконными действиями корпораций. Что важно, подобные решения должны иметь не только нормативный, но и институциональный разрез, связанный с созданием инфраструктурной системы контроля применения алгоритмов. В этой связи «подкупает» опыт Нью-Йорка, развивающегося в направлении разработки системы алгоритмической отчетности. Важным преимуществом подобных систем справедливо признать их весомый вклад в выработку и популяризацию процедуры получения объяснений автоматизированных решений, оценки последствий таких решений на предмет непропорционального ограничения прав человека, а также в формирование основ общественного контроля по вопросам алгоритмизации. Кроме того, использование государственной системы контроля за разработкой и применением алгоритмов может служить хорошей основой для внедрения единых подходов к защите информации.

Во-вторых, важным направлением доктринальных исследований ближайших лет видится всестороннее осмысление статуса цифровых корпораций с точки зрения соотношения публичных и частных начал. Выполнение такими субъектами отдельных значимых публичных функций в области реализации и защиты конституционных прав (право на свободу мнений, на информацию, на неприкосновенность частной жизни) предопределяет повышенные требования к ним с точки зрения обеспечения прав человека. Как следствие, закономерно встает вопрос о конституционных обязательствах данных частных субъектов по аналогии с требованиями, предъявляемыми к публичным структурам.

Важно отметить и то, что в условиях отсутствия разветвленной системы нормативного регулирования алгоритмических решений важное значение приобретает судебная практика. В этой связи одним из значимых инструментов гармонизации алгоритмов и прав человека справедливо считать известный принцип пропорциональности. Определенный позитивный опыт в этом смысле накоплен у Федерального Конституционного суда Германии, практика которого связана с всесторонней оценкой соразмерности и необходимости вмешательства алгоритмов в сферу прав человека[1].

Наконец, в-третьих, развитие новых технологий должно соотноситься с критериями служения «всей человеческой семье» (Всеобщая декларация прав человека), уважения достоинства каждого из ее членов с учетом потребностей ее наиболее уязвимой части. В этой связи на представителях технологических компаний, ученых, исследователях, юристах-практиках лежит обязанность обеспечить соответствие алгоритмических решений человеческим ценностям и этическим стандартам. Принципы, разработанные в Риме в феврале 2020 года, являются хорошим заделом, однако требуют дальнейшей совместной проработки, осмысления их места и значения, конкретизации их содержания в отношении к различным правовым ситуациям.

[1] Избранные решения Федерального Конституционного суда Германии / Сост. Ю. Швабе, Т. Гайсслер; Отв. ред. К. Кроуфорд. М.: Инфотропик Медиа, 2018. С. 106 - 112.

1.2 Понятие и сущность права на образование

Образовательное право возникло для того, чтобы обеспечить реализацию права каждого человека на образование.

Под правом на образование в объективном смысле (объективное право на образование) понимается совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения, связанные с получением образования (о нем пойдет речь позже, в тех разделах , которые посвящены нормам и источникам образовательного права.

Право на образование в субъективном смысле (субъективное образовательное право) - гарантированная государством и международным правом фактическая возможность лица обладать и пользоваться знаниями, умениями и навыками в целях повышения своего образовательного и культурного уровня.

Право на образование, закрепленное в Конституции РФ и предусмотренное основными международными договорами по правам человека, представляет собой субъективное право.

Право на образование относится к основным правам и свободам человека и производно от такого фундаментального права, как право на жизнь. Право на образование относится к правам человека второго поколения, которые объединяют основные социально-экономические и культурные права - право на труд, отдых, жилище, социальное обеспечение, охрану здоровья, доступ к культурным ценностям и т.д. (правами первого поколения по этой терминологии считаются личные и политические права, а правами третьего поколения - коллективные права на мир, здоровую окружающую среду, развитие и др.).

Право на образование - одно из наиболее значимых социальных прав человека, которое создает необходимую предпосылку развития человека как личности, влияет на состояние общества, находится в тесной взаимосвязи с политическими, экономическими и иными социальными правами человека.

Право на образование приобретается человеком естественным образом, по факту своего рождения, поскольку каждому человеку свойственно развиваться, накапливать опыт и получать новые знания, творить и передавать все накопленное им другим поколениям. Образование является одним из основных условий полноценного существования человека в обществе[1].

Человек обладает изначально, независимо от воли государства, всеми основными правами, включая право на образование. Никому не может быть отказано в праве на образование. Государство же обязано обеспечить реализацию этого права, не ставя при этом получение образования в зависимость от своей воли.

В качестве основного права человека право на образование не может быть даровано, передано другим лицам или отчуждено в какой бы то ни было форме. Более того, сам человек не может отказаться от права на образование. Основное общее образование сегодня в соответствии с международными стандартами является обязательным, поскольку без него оказывается невозможной социализация человека в современном обществе.

Право на образование предполагает свободу образования, то есть возможность получения образования всеми желающими, свободу образования в соответствии с убеждениями, то есть возможность для каждого получить образование в соответствии с его религиозными или идеологическими взглядами на мир, а также педагогические и академические свободы, подразумевающие свободу выбора педагогических методов обучения, источников информации, свободу постановки вопросов, проведения исследований и дискуссий, независимо от того, задевает такая полемика кого-либо или нет[2].

Современное понимание права на образование не сводит его исключительно к праву каждого на получение образования, оно дополняется

---

[1] Шугрина Е.С. Автономия вуза и академические свободы: соотношение международного и национального правового регулирования / Е.С. Шугрина // Актуальные проблемы юридического образования. 2013. № 8. С. 1041 - 1049.

[2] Гриб В.В. Академические права и свободы - ключевой принцип взаимодействия государства и высших учебных заведений // Российский судья. 2021. № 4. С. 26 - 31.

правом на получение различных уровней образования и на получение образования в различных формах, право на свободный выбор языка обучения, установлением не только права, но и обязанности получения основного общего образования, приоритетным правом родителей в выборе вида образования для своих малолетних детей и т.д.

Юридическим основанием реализации права на образование на практике, в повседневной жизни должно стать его закрепление международным правом и внутригосударственным законодательством.

Конституционное право на образование в его системной взаимосвязи с конституционным принципом равенства означает, что каждый имеет равную с другими, не зависящую от социального происхождения, места жительства, а также иных обстоятельств возможность развития личности. Примечательно, что Конституционный Суд РФ, обеспечивая защиту права на образование, углубил и конкретизировал понимание доступности образования, подчеркнув, что равенство возможностей при получении образования предполагает также равный доступ в существующие государственные или муниципальные образовательные учреждения, их территориальную доступность. Государство и муниципальные образования, исходя из конституционного требования общедоступности дошкольного образования независимо от места жительства, обязаны сохранять в достаточном количестве имеющиеся дошкольные образовательные учреждения и при необходимости расширять их сеть.

Принцип обеспечения права каждого человека на образование, равно как и принцип недопустимости дискриминации в сфере образования, положены в основу государственной политики и правового регулирования отношений в сфере образования (ст. ст. 3, 78 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»). Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» установлено, что иностранные граждане и лица без гражданства имеют право на получение образования в Российской Федерации в соответствии с международными договорами Российской Федерации и данным Федеральным законом. Подчеркивается, что

иностранные граждане обладают равными с гражданами РФ правами на получение дошкольного, начального общего, основного общего и среднего общего образования, а также профессионального обучения по программам профессиональной подготовки по профессиям рабочих, должностям служащих в пределах освоения образовательной программы среднего общего образования на общедоступной и бесплатной основе. Получение среднего профессионального образования, высшего образования и дополнительного профессионального образования иностранными гражданами по общему правилу осуществляется за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета, бюджетов субъектов РФ или местных бюджетов в соответствии с международными договорами Российской Федерации, федеральными законами или установленной Правительством РФ квотой на образование иностранных граждан в Российской Федерации, а также за счет средств физических и юридических лиц в соответствии с договорами об оказании платных образовательных услуг.

Перемещение в пространстве с целью получения образования получило наименование образовательной миграции. При этом данное понятие и, как следствие, его содержание остаются дискуссионными, что может провоцировать неточность государственных целей и задач в этой области и, соответственно, ошибки в сфере правоприменения. Отметим взаимосвязь дискуссий в сфере понятийного аппарата миграционного законодательства. В качестве проблемы исследователями определялось отсутствие нормативно закрепленного определения базового понятия «миграция» и производных от него, несмотря на важность и их смыслообразующий характер[1]. К тому же в доктрине отмечалась важность точности в определении указанных понятий в целях ликвидации коллизий в правоприменении[2]. В отношении образовательной миграции можно сделать аналогичный вывод.

[1] Андриченко Л.В. Миграционное законодательство в системе российского законодательства // Журнал российского права. 2018. № 3. С. 5 - 16

[2] Андриченко Л.В., Васильева Л.Н. Законодательство в сфере миграции: проблемы и перспективы // Журнал российского права. 2006. № 1 (109). С. 7.

Некоторые исследователи вносят уточнение в рассматриваемое понятие и его содержание: отмечается различие между международной и внутренней образовательной миграцией, а также образовательной иммиграцией и образовательной эмиграцией (исходя из критериев пересечения государственной границы и направления перемещения соответственно). Наиболее востребованными являются понятия «учебная иммиграция» и «международная учебная миграция». В частности, Е.Е. Письменная рассматривает международную учебную миграцию и оценивает ее как составную часть международной образовательной миграции, при этом первым понятием именуются «перемещения между странами мигрантов, которые обучаются в школах, колледжах и университетах», а вторым - «перемещения людей между странами с целью получения образования и повышения квалификации различных уровней и на различные сроки (в том числе миграцию школьников, студентов, аспирантов, докторантов, стажеров, повышающих квалификацию профессионалов)»[1].

К процессам перемещения лиц в интересующей сфере также имеет отношение понятие «интеллектуальная миграция», или «миграция высококвалифицированных кадров», так как, по мнению некоторых исследователей, к данному виду миграции можно отнести наряду с миграцией специалистов и миграцию студентов, в итоге определяя образовательную миграцию в качестве вида интеллектуальной[2].

Таким образом, наблюдается относительный разброс мнений. Можно отметить использование разных понятий по отношению к одним и тем же явлениям. При этом идея о разграничении учебной и образовательной миграции является потенциально продуктивной. Предположим ее полезность исходя из возможности дифференцировать правовое регулирование на основе различий участников данных процессов, а также цели и срока, на который

[1] Письменная Е.Е. Социальные последствия учебной иммиграции в Россию (вопросы теории и методики исследования): автореф. дис. ... д-ра социол. наук. М., 2009. С. 6.
[2] Воронина Н.А. Интеллектуальная миграция: зарубежный и российский опыт регулирования // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2018. Т. 13. № 6. С. 158 – 183.

происходит перемещение. В дополнение можно отметить, что некоторые авторы используют для обозначения процесса, соответствующего учебной миграции, понятие «студенческая миграция»[1], что подчеркивает уровень образования, на который ориентирован мигрант, но в данном случае смена понятия не является определяющей при правовом регулировании и не отражает все уровни профессионального образования, на которые могут быть ориентированы участники учебной (так называемой студенческой) миграции.

Несмотря на основополагающий характер цели как критерия для выделения образовательной миграции, следует признать возможность совмещения образовательной и трудовой целей миграции. Так, в исследованиях, связанных с темой образовательной эмиграции российских граждан, допускается такая возможность. Рассматривается сезонная миграция студентов в период каникул. Совмещение целей происходит при одновременной работе и, например, учебе на языковых курсах или обучении в летних школах, прохождении стажировки, участии в студенческих обменах и проч. Образование в указанной ситуации рассматривается как условие для дальнейшей успешной трудовой миграции. Данное заключение можно применить по аналогии к образовательной иммиграции в Россию.

Исходя из потребностей социально-экономического развития Российской Федерации, а именно желания привлечь в Россию иностранных граждан, получающих, получивших или желающих получить здесь образование, на постоянное место жительства и продолжительную трудовую деятельность, в данной работе акцент делается на рассмотрении образовательной иммиграции в Россию как приоритетном направлении миграционной политики Российской Федерации.

Как отмечает Т.Я. Хабриева, именно «с учетом интересов того или иного государства формируется его миграционная политика, а как следствие этого -

[1] Алексеева Е.Н. Транснациональная миграция молодежи и ее социальные последствия в современном мире: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2013. С. 6.

правовая политика миграции»[1]. Особенностью правового оформления приоритетов в сфере миграционной политики является создание отдельного акта стратегического планирования в сфере миграции, а также затрагивание сферы миграции в актах, определяющих цели развития в других сферах отношений. Следует отметить общую направленность содержания актов - это курс на создание в государстве благоприятных условий для свободного перемещения иностранцев в России с целью получения образования в широком понимании. Так, в Указе Президента РФ от 31 октября 2018 г. № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019 - 2025 годы» в качестве направлений миграционной политики зафиксированы повышение доступности образовательных услуг для иностранных граждан, обеспечение открытости России для обучающихся, совершенствование механизмов отбора талантливой иностранной молодежи для поступления в российские образовательные организации в пределах выделяемых квот[2].

Приоритет привлечения иностранных граждан в Российской Федерации с образовательной целью определен и в иных актах стратегического планирования. При этом речь может идти как о явлении, непосредственно названном в акте образовательной миграцией, так и об иных вариантах перемещения в Российской Федерации с целью, схожей или смежной с образованием, под различными наименованиями.

Значимыми в исследуемой сфере актами являются Указ Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года», распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года». Отметим более территориально-узкий подход к

[1] Хабриева Т.Я. Миграция в России: о модели правового регулирования // Журнал российского права. 2006. № 7. С. 3.
[2] Аронова С.А. Управление финансовым обеспечением как гарантия конституционного права на образование // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 9. С. 61 - 64.

развитию образовательной миграции, отраженный в распоряжениях Правительства РФ от 28 декабря 2009 г. № 2094-р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года» и от 20 июня 2017 г. № 1298-р «Об утверждении Концепции демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года». Подвергнув анализу положения указанных актов, можно установить, что государство нацелено на создание наиболее благоприятных условий для привлечения иностранных студентов (первостепенное значение придается учебной иммиграции), а также рассчитывает на длительность их пребывания в Российской Федерации. В некоторых актах закреплена задача трудоустройства иностранных граждан в Российской Федерации по итогам получения образования. Таким образом, мы видим приоритет долгосрочной иммиграции, а также использование ее в качестве стимула к возможной натурализации или по крайней мере постоянному проживанию иностранных граждан в Российской Федерации. Кроме того, в анализируемых актах можно усмотреть и оценку образовательной иммиграции как инструмента международного сотрудничества. Особенно это проявляется в отношении территории Дальнего Востока, где образовательная миграция призвана решить задачи по развитию приграничных территорий. В качестве форм сотрудничества рассматриваются академический обмен и взаимные стажировки[1].

В целом приоритетность привлечения образовательных иммигрантов в актах прослеживается ярко, но не представлена в виде системы образовательной иммиграции и ее видов. При этом содержание актов позволяет выделить учебную иммиграцию, иммиграцию с целью получить дополнительное профессиональное образование, международный академический обмен и стажировки, международную академическую мобильность. По итогам анализа доктринальных основ и ряда федеральных

[1] Васильева Л.Н. Право на образование и его реализация лицами, относящимися к коренным малочисленным народам Российской Федерации // Журнал российского права. 2020. № 1. С. 80 - 88.

законов можно выделить виды образовательной иммиграции в зависимости от уточненной цели пребывания, срока, на который происходит перемещение, степени преференциальности статуса иммигранта. Целесообразна также типологизация в зависимости от характеристик иммигранта: например, если речь идет об иммиграции граждан государств - участников Содружества Независимых Государств, граждан приграничных государств или же соотечественников, проживающих за рубежом.

1.3 История законодательного регулирования права на образование в России

Императивом научного поиска современных ученых, представляющих различные социальные науки, является изучение проблем трансформации разных социально-экономических систем, например системы образования. Причиной данного научного интереса является исключительная роль образования в иерархии жизненно важных ценностей человечества в целом и каждого отдельного социума и индивида в частности.

В последнее время указанная миссия образования усложняется в связи с активным переходом большинства мировых экономик в новые координаты глобализирующегося мира, для которого характерны совершенно новые, нежели в XX в., доктрины развития, а также параметры технологического уклада в промышленности, кросскультурных коммуникаций и информационных обменов. Индикатором конкурентоспособности стран становится интеллектуальный потенциал общества, генерируемый системой образования. Естественно, что системы образования стран мира, в том числе и России, являясь основным носителем этих парадигмальных вызовов, претерпевают перманентные трансформации. Поэтому всестороннее изучение этих процессов с целью достижения возможно более высокого уровня

прогнозирования является архиважной научной задачей[1].

Каждая эпоха в истории нашего Отечества имела свои неповторимые особенности, отражавшиеся, как в капле воды, во всех ипостасях Российского государства и общества, в том числе и в народном образовании. Именно поэтому исследование проблем законодательства в образовательной сфере лишь на основе современных законов и норм по меньшей мере методологически некорректно, ибо path dependence - историческая и генетическая «память прошлого», содержащаяся в институциональной платформе общества, «доднесь тяготеет», т.е. по-прежнему оказывает влияние на трансформационный процесс, исследование которого должно осуществляться в контексте соответствующего исторического времени, но с позиций современных наук об обществе.

Право на образование прошло длинный путь формирования, становления, развития, но при этом стало частью системы прав человека не так давно. Следует понимать, что само понятие «образование» стало употреблять лишь в 18 веке, для более ранних времен были наиболее характерны понятия «воспитание», «обучение». Потребность повышения уровней грамотности и образованности существовала уже с времен Древней Руси, власть в то время одобрительно относилась к данной потребности, даже предпринимала попытки к ее реализации. Князь Владимир создавал христианские школы, учителями в которых были священники. На Стоглавом Соборе в 1551 году были утверждены нормы, посвященные развитию образования, они были направлены на укрепление позиции церкви, развитие церковного образования и школ, в связи с тем, что люди, которые хотели занять церковные должности, были недостаточно грамотными.

Следующий важный этап произошел в начале 18 века, при правлении Петра I, он считал, что главной причиной отставания страны во всех сферах является низкий уровень образования. Он считал, что необходимо закрепить

[1] Патов Н.А. Отечественное университетское образование и становление культурной элиты в России: монография / Н.А. Патов. Москва: Изд-во МПСУ, 2011. С. 24.

обязанность получения знаний на государственном уровне. Были созданы провинциальные школы, доступ к образованию получили все слоя населения, но дети дворян и бояр имели возможность получать более высокий уровень образования, некоторые обучались даже в иностранных государствах[1].

И всё же в конце 18 века образование стало доступным широким массам, обуславливалось это тем, что: Рос уровень благосостояния государства, Развивались производство и торговля, Росли крупные поселения. В 1782 году была создана Комиссия об учреждении народных училищ, которая занялась разработкой школьной реформы. Данный орган создал план с установлению народных училищ, так же для училищ был разработан устав, что и послужило развитием системы общего образования для всех слоев населения, за исключением крепостных крестьян.

Наряду с этим в государстве появились малые народные училища, которые занимались проведением обучения по образовательным программам 3-го и 4-го классов главных училищ, таким образом была создана система «ступеней» начального образования. Такие учреждения появлялись в губерниях и уездах, так же в крупных поселениях. В этот период образование было бесплатным, совместно обучались мальчики и девочки.

Одновременно с увеличением объема прав и свобод людей, отмечается активность философов и юристов в проявлении идей по развертыванию системы образования. Сперанский М.М. полагал, что существует прямая связь между уровнем образованности и происхождением человека, только обученные дворяне могут верно распоряжаться собственностью[2]. Грановский Т.Н. полагал, что цель исторического развития- создание нравственной и образованной личности, в своих трудах он яро выступал против сословного крепостнического строя в стране, противоречащего равенству и естественным правам[3]. В 1870 году в нашей стране так и не было специального

[1] Бунина С.Г. Зарождение и юридическое оформление элементов права на дошкольное образование в отечественных источниках X - XVIII вв. // История государства и права. 2015. № 8. С. 52 - 55.
[2] Сперанский М.М. Предложение к окончательному составлению законов // Русская старина. 1876. № 2. С. 1.
[3] Грановский Т.Н. Аббат Сугерий: ист. исслед. М.: Унив. тип., 1849. VIII. 139 с.

законодательства в области образования.

Необходимость в развитии массовости образования находилась в отражении сочинений Ленина В.И., который активно критиковал позицию властей по отношению к организации системы образования.

В 1917 году был издан Декрет СНК «Об учреждении Государственной комиссии по народному образованию», которая занималась руководством просвещения в государстве. 15 декабря 1917году издано постановление, которое передает дело воспитания и образования из церкви этому Комиссариату. Декретом СНК от 21 января 1918года религиозные организации были отделены от государства и образование от церкви, отменены различные привилегии и ограничения, связанные с религиозным вероисповеданием[1].

События, произошедшие в 1917 году, были точкой развития следующего этапа развития права на образование в стране. Новая власть стремилась перестроить весь общественный уклад, в котором важная роль отводилась образованию народа. Задачей власти того времени была трансформация образования из инструмента власти в идеологический инструмент перевоспитания нового поколения с использованием идей коммунизма, именно это и проявляло необходимость создания новой неповторимой системы образования.

Конституция РСФСР , принятая в 1918 году, не обеспечила возможности реализации демократических принципов управления, лишала прав некоторых лиц, которые использовали их не в интересах социализма, так же и отраслевое законодательство ограничивало отдельные группы граждан в получении образования; выпускники вузов и техникумов были обязаны отработать в местах, которые были указаны при распределении.

Особенностям развития образовательных прав в современное время являются существенные изменения, сложившиеся после распада СССР и

[1] Корнев А.В. Изучение истории политических и правовых учений в российском правоведении в XX - начале XXI в.: условия, направления, результаты // Lex russica. 2020. № 4. С. 130 - 142.

принятия нового основного закона страны - Конституции Российской Федерации, которая признает и защищает права и свободы человека и гражданина. Согласно ч.2 ст. 17 и ст. 42 Право на образование неотчуждаемо и принадлежит каждому от рождения. Принципы государственной политики в образовательной сфере закреплены в статье 3 ФЗ «Об образовании в РФ».

Характеристика современного права на образование в России отмечает преодоление большого количества недостатков советской системы образования. Но обнаруживаются другие проблемы, такие как недостаточное финансирование в сфере образования; высокий уровень коррупции и бюрократии; пробелы в системе правового регулирования в области образования.

2 ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ОБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

2.1 Проблемы правового регулирования реализации дистанционных образовательных технологий в условиях распространения новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации

Современная информационная эра и глобализация в образовании требуют совершенствования российской системы высшего образования, применения новых подходов к организации деятельности образовательных организаций. Сочетание доступных информационных технологий, компьютеризация населения развитых и развивающихся стран обусловили появление новых специфических технологий в образовании, позволяющих студентам обучаться на расстоянии от основного вуза, что в результате привело к формированию дистанционного образования[1].

Дистанционное образование в Российской Федерации стало приобретать официальный статус с начала 1990-х гг. Его развитие в целом соответствует принципам, изложенным в Совместной декларации министров образования стран Европы от 19 июня 1999 г. (г. Болонья), к которой Россия присоединилась в 2003 г. на берлинской встрече министров образования стран Европы[2]. Посредством принятия основных условий болонской системы, различных межправительственных соглашений о сотрудничестве в области высшего профессионального образования и модернизации системы образования посредством внедрения в нее компьютерных технологий в категориальный аппарат образовательного права вошли такие понятия, как «дистанционное образование», «дистанционное обучение», «электронное

[1] Горева О.М., Осипова Л.Б. Современное состояние дистанционного образования в российском вузе // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2. С. 630.
[2] Баранков В.Л. Правовые аспекты использования сетевой, электронной и дистанционной форм реализации образовательных программ // Журнал российского права. 2017. № 3. С. 130.

обучение», «дистанционные образовательные технологии»[1].

Достоинства дистанционного обучения обусловлены его возможностями расширения предоставления обучающимся образовательных услуг, распределенных по различным сегментам рынка и территориям, а также использованием системы гибкого непрерывного образования, что позволяет преподавателям и студентам оптимально планировать время обучения и учебный процесс. Это обстоятельство имеет большое значение для студентов-заочников и студентов, обучающихся в филиалах университетов в других городах. Кроме того, благодаря дистанционному образованию появляются новые формы и методы управления университетами и организации учебного процесса. Происходит трансформация принципов организации, контроля и управления образовательными процессами, расширяются границы и возможности доступа преподавателей и студентов к мировым базам научных данных, качественно меняется характер обучения и содержания получаемых знаний.

Серьезным испытанием для российской системы высшего образования в 2020 г. стала необходимость перестроить свою работу в связи с введением ограничительных мер для борьбы с новой коронавирусной инфекцией. Министр науки и высшего образования РФ В.Н. Фальков в своих выступлениях отмечал, что, «обсудив ситуацию с профессиональным сообществом, 14 марта всем вузам было рекомендовано перейти на дистанционный режим работы. Первые две-три недели все без исключения вузы испытывали трудности, зачастую существенные. Сложнее других было вузам технического, медицинского и творческого профилей. Благодаря оперативной организации взаимодействия вузов между собой и с Министерством были налажены поиск новых решений, регулярный обмен лучшими практиками и, как следствие, адаптация к новым условиям»[2].

[1] Гинзбург И.В., Трошкина Т.Н. Дистанционное образование в Российской Федерации: понятие и вопросы правового регулирования // Реформы и право. 2013. № 2. С. 53.

[2] Официальный сайт Министерства науки и высшего образования Российской Федерации // URL: https://minobrnauki.gov.ru/ru/press-center/card/?id_4=2555 (дата обращения: 26.05.2021)

Министр отметил, что переход на дистанционный формат работы был безальтернативным и в большинстве российских вузов он в целом прошел успешно. Он также подчеркнул, что дистанционное образование нельзя сравнивать с традиционным и предлагать его в качестве полноценной альтернативы. По его мнению, речь не должна идти о полной замене одной системы на другую. «Мы запомним эту весну не только как период сверхнапряжения, когда все мы в режиме реального времени решали и решаем проблемы, вызванные коронавирусом. Мы запомним эту весну как время цифрового сдвига в образовании. Да, после коронавируса мы обязательно вернемся в аудитории, однако многое будет выглядеть иначе. Вынужденный переход в онлайн радикально ускорил медиатизацию высшего образования»[1], - заявил министр.

Как считают специалисты, преимущества дистанционного обучения проявляются в большей части при получении образования по гуманитарным дисциплинам. Однако применение дистанционных образовательных технологий (ДОТ) в обучении по медицинским специальностям также является весьма актуальным и очень востребованным, поскольку применение компьютерных технологий в различных областях медицины становится все более широким. В целях реализации всесторонних потребностей общества образовательный процесс в медицинских специальностях должен модернизироваться, опираясь на достижения других сфер посредством внедрения в него таких новых элементов, как использование компьютерной техники и электронных образовательных ресурсов в процессе обучения. Особенно применение таких технологий востребовано при последипломном обучении и повышении квалификации в области медицины. Основы дистанционного обучения (ДО) были заложены в Концепции применения телемедицинских технологий в Российской Федерации, утвержденной Приказом Минздрава РФ и РАМН от 27 августа 2001 г. № 344/76 «Об

[1] Официальный сайт Министерства науки и высшего образования Российской Федерации // URL: https://minobrnauki.gov.ru/ru/press-center/card/?id_4=2555 (дата обращения: 26.05.2021)

утверждении Концепции развития телемедицинских технологий и плана ее реализации». В частности, было определено, что ДО включает: обучение студентов; повышение квалификации и переподготовку врачей и медицинских сестер; теленаставничество; работу с заочными аспирантами и докторантами; научно-практические семинары для оперативного обмена информацией о новых методах диагностики и лечения; тренинг при освоении новых медицинских методов и ИКТ[1].

В настоящее время основы реализации образовательных программ с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий регулируются ст. 16 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее - Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации»). Легальные дефиниции понятий «электронное обучение» и «дистанционные образовательные технологии» даны в ч. 1 данной статьи:

1) дистанционные образовательные технологии предполагают опосредованное (на расстоянии) взаимодействие обучающегося и педагогического работника;

2) электронное обучение представляет собой форму организации образовательной деятельности и может осуществляться как с использованием дистанционных образовательных технологий, так и при непосредственном взаимодействии обучающего и педагогического работника.

Таким образом, принципиальное отличие электронного обучения от дистанционных образовательных технологий (далее - ДОТ) состоит в том, что ДОТ не включают в себя контент, а являются только средствами и способами его обработки и передачи обучающимся. Рассматривая данное в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» определение электронного обучения, важно отметить, что в нем идет речь об организации образовательной деятельности с использованием именно комплекса

[1] Пронина Е.Н., Леванов В.М. Вопросы правового регулирования дистанционного образования в медицинских вузах // Медицинское право. 2014. № 4. С. 54.

содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку и передачу информационных технологий, технических средств, а также информационно-телекоммуникационных сетей.

Использование отдельных программных и аппаратных средств, электронных образовательных ресурсов, иных мультимедийных файлов образовательной направленности, не интегрированных в информационно-образовательную среду, не следует рассматривать как электронное обучение в установленном Законом понимании этой дефиниции[1]. Кроме того, нужно иметь в виду, что к электронному обучению относятся не только онлайн-курсы (так называемые МООК), но и использование в учебном процессе различных электронных систем обеспечения обучения, электронных библиотечных систем и пр.

К электронным и дистанционным образовательным технологиям относятся так называемые кейс-технологии - обучение на основе электронных образовательных систем. Эти технологии позволяют эффективно использовать следующие средства обучения:

- программы изучения дисциплин с методическими указаниями по выполнению контрольных, курсовых и выпускных работ;

- печатные фундаментальные учебники и учебные пособия по дисциплинам, изучаемым на кафедре;

- обзорные (установочные) аудио- или видеолекции по дисциплинам, изучаемым на кафедре;

- средства дистанционного текущего контроля знаний, а также дистанционной промежуточной и итоговой аттестации студентов.

Общий Порядок применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ утвержден Приказом Министерства образования и науки РФ от 23 августа

[1] Образовательное законодательство России. Новая веха развития: Монография / Л.В. Андриченко, В.Л. Баранков, Б.А. Булаевский и др.; Под ред. Н.В. Путило, Н.С. Волковой. М., 2015. С. 261.

2017 г. № 816 (далее - Приказ Минобрнауки РФ № 816).

Необходимым условием реализации образовательных программ или их частей с применением электронного обучения, дистанционных образовательных технологий является обязанность образовательных организаций по предоставлению информации о применении данных технологий для участников образовательных отношений (п. 4 Порядка, утв. Приказом Минобрнауки РФ № 816).

В настоящий момент, в целях принятия мер по снижению рисков распространения новой коронавирусной инфекции в организациях, осуществляющих образовательную деятельность, Минпросвещения России разработало ряд методических рекомендаций, определяющих особенности реализации программ с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий. В частности, в соответствии с письмом Министерства просвещения РФ от 19 марта 2020 г. № ГД-39/04 при реализации образовательных программ с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий образовательной организации рекомендуется обеспечить внесение соответствующих корректировок в рабочие программы и (или) учебные планы в части форм обучения (лекция, онлайн-консультация), технических средств.

Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации разработало и направило для использования в работе рекомендации по применению гибких форм занятости в условиях предупреждения распространения новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации (письмо Министерства труда и социальной защиты РФ от 23.04.2020 № 14-2/10/П-3710). Важной представляется норма о том, что применение электронного обучения и дистанционных образовательных технологий не снижает норму часов педагогической работы и не может являться основанием для уменьшения размера заработной платы, включая компенсационные и стимулирующие выплаты, в том числе при переводе педагогических работников на режим удаленной (дистанционной) работы.

В свою очередь, Министерство здравоохранения Российской Федерации в связи с поступающими обращениями организаций, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования медицинского и фармацевтического профиля, разъяснило возможность проведения государственной итоговой аттестации обучающихся (далее - ГИА) с применением электронного обучения, дистанционных образовательных технологий (письмо Министерства здравоохранения РФ от 21.05.2020 № 16-0/И/2-7001). Министерство подтвердило возможность применения данных технологий при проведении государственных аттестационных испытаний при обеспечении идентификации личности обучающихся.

Вместе с тем конкретные формы проведения государственной итоговой аттестации устанавливаются образовательными организациями самостоятельно в соответствии с требованиями, установленными федеральным государственным образовательным стандартом (далее - ФГОС). Однако согласно ФГОС высшего образования по программам специалитета медицинского и фармацевтического профиля и программам ординатуры ГИА не может осуществляться с применением электронного обучения, дистанционных образовательных технологий. Таким образом, в медицинских вузах именно по программам специалитета невозможно провести все этапы итоговой аттестации только в электронной форме, что обусловлено спецификой профессиональной деятельности медицинских и фармацевтических работников.

Итак, несмотря на несомненную эффективность дистанционных образовательных технологий, дистанционное обучение не должно и не может заменить традиционные его формы. Оно призвано стать новой образовательной моделью, позволяющей осуществлять непрерывное самосовершенствование, направленное на формирование у индивида технологий быстрого получения, обработки информации и практического ее применения.

Важнейшим условием эффективного дистанционного обучения является учебно-методическое обеспечение, что представляет собой большую сложность в связи с необходимостью серьезных организационных усилий, дополнительных квалификационных навыков преподавательского состава, финансовых затрат на техническое обеспечение данного процесса.

2.2 Проблемы правового регулирования практической подготовки обучающихся в образовательных организациях высшего образования

Образование в современном мире - важное условие существования и развития общества и государства. Оно нередко рассматривается в качестве социально-экономического фактора, позволяющего личности не только социализироваться, стать полноценным членом общества, но и создать условия для успешного развития в условиях постоянно изменяющихся экономических условий, а также конкуренции на рынке трудовых ресурсов[1]. В связи с этим справедливо отмечается, что достаточно ярко приоритетность развития образования для государства определяется уровнем социально-культурного прогресса общества[2]. С точки зрения общественных интересов образование является системой, элементами которой становятся различные субъекты, вступающие во взаимодействие между собой по поводу социально значимых благ и интересов.

Важная задача в развитии системы высшего образования состоит в его переориентации к нуждам и потребностям современной экономики. В такой парадигме высшее образование должно отвечать запросам общества. Своевременная государственная политика в сфере образования должна быть ориентирована на обеспечение высокого качества подготовки и конкурентоспособности выпускников российских образовательных

[1] Красильникова И.В. Модернизация системы высшего профессионального образования в соответствии с потребностями современного рынка труда: автореф. ... дис. канд. эконом. наук. М., 2012. С. 9 - 10.
[2] Минина А.А. Правовые и воспитательные основы высшего профессионального образования: монография. Ставрополь, 2009. С. 7.

организаций на мировом рынке образования и труда, что способствовало бы реализации геополитических и экономических интересов Российской Федерации[1]. Российские условия развития образования, безусловно, должны обеспечить новый уровень знаний, увеличение роли человеческого капитала, подготовку специалистов для профессиональной деятельности в глобальном мире и управления глобальными процессами.

Нередко качество образовательной деятельности вуза связывается с его эффективностью[2]. Действительно, чем качественнее организован учебный процесс, тем большим объемом знаний обладают выпускники, которые востребованы на рынке труда, и более эффективна работа образовательной организации. Эффективное управление качеством образовательных услуг в вузе включает в том числе управление обеспечением качества образовательного процесса[3].

Как известно, центральным образовательным правоотношением является педагогический процесс, который включает обучение и воспитание. При этом результат образовательной деятельности предполагает сохранение и повышение интеллектуального потенциала человека. Однако качество образования - это не только конкретный результат обучения, который сложно измерить, учитывая значительную долю относительности результата. Речь идет о том, что качество рассматривается как комплексный показатель, который должен учитывать и качество организации учебного процесса, а также соответствие реально достигаемых результатов нормативным требованиям, социальным и личностным ожиданиям[4].

Повышение качества современного образования все чаще связывают с

---

[1] Косевич А.В. Экспорт образовательных услуг сферы высшего образования: мировой опыт и российская практика: автореф. дис. ... канд. эконом. наук. М., 2006. С. 2 - 3.

[2] Еремина О.Ю. Эффективность деятельности образовательной организации: критерии, показатели, прогнозы // Журнал российского права. 2015. № 10. С. 73 - 85.

[3] Павлюченко Е.И., Эсетова А.М., Гордышев И.А. Формирование системы качества образовательных услуг как фактор повышения эффективности управления вузом. Махачкала, 2012. С. 110.

[4] Абдуллаева Т.Е., Султалиева З.М. Организационно-экономические основы управления качеством образовательных услуг. Махачкала, 2012. С. 39.

практической подготовкой обучающихся[1], которая в полной мере может быть реализована лишь непосредственно на объектах, осуществляющих производственную деятельность. Российская высшая школа (особенно инженерная) попала в тиски «беспрактического» обучения, когда прежние модели взаимоотношений с базовыми предприятиями катастрофически быстро разрушались, а формирование новых оставалось весьма проблематичным.

Практическая подготовка обучающихся является важным элементом в системе образовательного процесса и имеет своей направленностью формирование и развитие практико-ориентированных компетенций будущего специалиста. Массив образовательно-правовых норм, являющихся составной частью социального законодательства[2], несомненно, должен учитывать эти магистральные задачи. Поэтому правовое регулирование вопросов, связанных с организацией практической подготовки будущих выпускников, имеет важное значение для повышения качества образования и в большей степени отвечает требованиям работодателей и современной экономики.

Законодатель ввел в оборот понятие «практическая подготовка» в рамках ст. 2 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее - Закон № 273-ФЗ). Однако, несмотря на закрепление данной категории в законодательстве, действующие механизмы реализации практической подготовки обучающихся нуждаются в развитии и совершенствовании.

В настоящий момент практическая подготовка обучающихся обеспечивается за счет использования сетевой формы реализации образовательных программ[3]. Как известно, в рамках сетевой формы возможна наиболее эффективная кооперация образовательных, научных и

[1] Осипов М.Ю. К вопросу о создании научных юридических клиник в России // Журнал российского права. 2016. № 10. С. 144 - 150.
[2] Волкова Н.С., Еремина О.Ю. Законодательство в социальной сфере: проблемы измерения эффективности // Журнал российского права. 2016. № 9. С. 44 - 54.
[3] Баранков В.Л. Правовые аспекты использования сетевой, электронной и дистанционной форм реализации образовательных программ // Журнал российского права. 2017. № 3. С. 129 - 137.

производственных инструментов, способствующих, с одной стороны, повышению качества подготовки, а с другой - обеспечению работодателей и экономики в целом кадровыми ресурсами.

Сетевая форма реализации образовательных программ в рамках действующего образовательного законодательства рассматривается как одна из форм и направление международного сотрудничества в сфере образования (ст. 105 Закона № 273-ФЗ), отражает новые образовательные практики, выступает в качестве одного из инструментов порядка организации академической мобильности обучающихся.

Академическая мобильность в том числе должна учитывать равные условия в сфере образования для всех субъектов образовательных отношений. Такие условия предусматривают обеспечение равных возможностей доступа к поставщикам и потребителям образовательных услуг (не в сугубо экономическом смысле). В свою очередь, международная академическая мобильность преподавателей является инструментом передачи транснациональных знаний, умений, навыков и компетенций, а также зарубежного и международного опыта.

Академическая мобильность оказывает большое влияние на развитие организаций высшей школы, позволяет вузам встраиваться в систему транснациональных образовательных связей и одновременно показывает уровень академического и научного потенциала. При этом она способствует существенному повышению доступности, качества и эффективности образования, является важным инструментом формирования глобального образовательного пространства и обеспечения мобильности человеческого капитала в целом.

Придавая важное значение вопросам обеспечения культурно-образовательного обмена, некоторые ученые считают, что принципы и порядок академической мобильности должны быть не только детально регламентированы на федеральном уровне, но и отражены в уставах вузов. В связи с этим Н.А. Молчанов справедливо полагает, что сетевая организация

взаимодействия участников прочно вошла в российскую образовательную систему и имеет серьезные перспективы развития[1].

Использование сетевой формы реализации образовательных программ требует предварительного ее лицензирования. Однако здесь возникают проблемы практического характера, связанные с необходимостью обеспечения субъектами сетевого взаимодействия лицензионных требований к порядку и условиям реализации соответствующей образовательной программы. К сожалению, предъявляемые к сетевой форме требования значительно отличаются от обычных условий реализации образовательных программ, что ведет к усложнению получения лицензии, а иногда делает это практически невозможным.

Взаимодействие участников в механизме сетевой формы реализации образовательных программ предполагается посредством договорного регулирования, которое имеет как публично-правовую основу, так и элементы частноправовых отношений, возникающих в рамках совместной деятельности. Несмотря на закрепление в образовательном Законе модели договорного регулирования вопросов регламентации сетевой формы обучения, этих нормативных положений для обеспечения полноценного взаимодействия участников явно недостаточно. Минобрнауки России следует разработать и принять порядок организации образовательного процесса при использовании сетевых форм реализации образовательных программ. Это представляется весьма важным, в том числе для целей лицензирования, а также проверки соблюдения требований образовательного законодательства в части организации сетевой формы обучения.

Современные вузы, являясь сложными системами, для решения стоящих перед ними задач обеспечивают многовекторное территориально-пространственное взаимодействие. Масштаб такого взаимодействия предполагает не только локальный и региональный уровни, но и

[1] Молчанов Н.А. Правовое регулирование науки и образования в интересах национальной безопасности в условиях сетевого общества // Lex russica. 2019. № 11. С. 124 - 130.

межрегиональное и международное сотрудничество. Речь идет о реализации в том числе совместных образовательных программ. Исторически совместные образовательные программы возникли как форма международного сотрудничества, а в последнее время они стали инструментом интеграции не только на международном уровне, но и в рамках национальных систем образования. По сути, совместные программы - это форма программной интеграции университетов.

Основной мотивацией университетов, создающих такого рода программы, как и в контексте Болонского процесса, является потребность в объединении ресурсов (преподавательских, методических, лабораторных) для обеспечения высокого качества подготовки специалистов.

Сетевая форма обучения позволяет задействовать ресурсы нескольких организаций, как российских, так и иностранных, осуществляющих образовательную деятельность, что одновременно позволит образовательным организациям оптимизировать различного рода ресурсы, используемые в образовательном процессе. В рамках сетевой формы реализации образовательных программ во взаимодействии с иностранными партнерами образовательная организация обеспечивает привлечение чужой производственной базы или разработанной другой организацией программы (курса).

В литературе высказано мнение, что заказчиком сетевой формы реализации образовательной программы может быть и производственная организация (например, завод) в случае имеющейся у нее базовой кафедры[1]. Это позволяет работодателям осуществлять необходимое обучение своих сотрудников непосредственно на рабочем месте, не устраняя их из рабочего (производственного) процесса. Причем такая организационная структура может быть применена и в непроизводственной сфере. Например, подобного рода механизм обучения может использовать администрация муниципального

[1] Бердышева С.Н. Правовое регулирование отношений, связанных с оказанием услуг при использовании сетевой формы реализации образовательных программ // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 12. С. 85 - 95.

образования для муниципальных служащих.

Тем не менее в настоящее время открытым остается вопрос о том, могут ли быть участниками сетевой формы реализации образовательных программ иностранные организации, а также организации, не имеющие научного или образовательного профиля деятельности? Полагаем, что, исходя из имеющейся нормативной базы, на этот вопрос можно ответить отрицательно. Элементами системы сетевой формы обучения в Законе № 273-ФЗ названы только указанные выше организации, что по формальному критерию влечет исключение организаций, не имеющих указанный статус (образовательные или научные), из перечня возможных партнеров образовательных организаций. Представляется разумным расширение круга субъектов взаимодействия в рамках сетевой формы реализации образовательных программ за счет включения в него в том числе предприятий реального сектора экономики.

Такие изменения крайне важны для развития качества современного высшего образования, поскольку наибольшую актуальность сетевое взаимодействие имеет в инженерной и технологической сферах, предполагающих использование в рамках практической подготовки обучающихся современного высокотехнологического оборудования. Поэтому помимо обозначенных выше мер, способствующих развитию механизма взаимодействия образовательных организаций и организаций реального сектора экономики, представляется целесообразным в рамках сетевой формы реализации образовательных программ предусмотреть в Законе № 273-ФЗ решение вопросов имущественных взаимоотношений их участников. Речь, на наш взгляд, должна идти о порядке вовлечения имущества партнеров образовательной организации в учебный процесс. В связи с этим следует определить круг субъектов, которые могут предоставить образовательной организации на безвозмездной основе право использовать свое имущество для целей обеспечения учебного процесса. В него могут войти не только государственные и муниципальные организации, но и организации,

основанные на частной форме собственности, прежде всего осуществляющие деятельность в области промышленного производства. В то же время представляется разумным включение в перечень субъектов, которым может быть предоставлено право безвозмездного использования государственного (муниципального) имущества для целей сетевой формы реализации образовательных программ, также частных образовательных организаций.

Учет этих предложений в Законе № 273-ФЗ позволит обеспечить наибольшую эффективность взаимодействия образовательной организации и работодателей в части подготовки высококвалифицированных профессионалов, а также сократить потенциально возможные затраты вузов на организацию учебного процесса.

В настоящий момент практическая подготовка обучающихся может быть обеспечена только через сетевую форму реализации образовательных программ, что неоправданно сужает перечень форм осуществления образовательного процесса в практической его составляющей.

Без внимания законодателя остается возможность создания обособленных структурных подразделений образовательных организаций на базе других организаций, оправдавших свое существование в практике реализации образовательной деятельности на промышленных предприятиях, особенно в советский период.

Многолетний опыт связей высшего образования и производства закрепил процесс ведения практической подготовки в рамках деятельности «базовых кафедр» вузов, создаваемых непосредственно на производственных объектах. Особое распространение организация таких подразделений получила в сфере медицинского образования. В то же время в рамках других направлений подготовки специалистов с высшим профессиональным образованием создание базовых подразделений практически не осуществлялось.

Полагаем, что сегодня запросы конкретного работодателя в специалистах могут быть обеспечены созданием обособленных структурных

подразделений образовательной организации, образуемых на базе соответствующего предприятия (базовых кафедр). По мнению Е.М. Жамбиевой, «под структурным подразделением следует понимать созданную в установленном порядке и организационно оформленную часть предприятия (учреждения), которая наделена соответствующим объемом полномочий, действует на началах самоуправления, возглавляется руководителем и имеет правовые основания образования»[1].

Реалии современного этапа развития отечественного высшего образования настоятельно требуют учитывать неразрывную связь теории и практики в образовательном процессе. Поэтому сегодня все больше вузов, особенно в сфере технического образования, стараясь обеспечить потребности будущих работодателей, пытаются максимально приблизить подготовку обучающихся к специфике и профилю деятельности конкретного предприятия.

В то же время на практике многие образовательные организации сталкиваются с трудностями легализации своих структурных подразделений, создаваемых на базе других организаций, в том числе территориально удаленных (расположенных в иных населенных пунктах). Зачастую при лицензировании образовательной деятельности подобного рода «образовательные структуры», расположенные вне места нахождения юридического лица (т.е. образовательной организации), уполномоченный лицензирующий орган рассматривает в качестве обособленных структурных подразделений, предусмотренных ст. 55 ГК РФ, т.е. филиалов организации.

Как известно, в этом случае филиал как подразделение, в том числе выполняющее все или часть функций юридического лица, должен обеспечить соблюдение необходимых требований к организации и ведению образовательного процесса, включая санитарные требования, требования в области противопожарной безопасности и т.п. «Базовые» подразделения

[1] Жамбиева Е.М. Структурное подразделение предприятия и учреждения как субъект административного права // Межвузовский сборник научных трудов. Свердловский юридический институт. Свердловск, 1985. С. 83.

создаются, как правило, на предприятиях и в научных лабораториях, которые должны отвечать только требованиям безопасности производственных процессов, но никак не образовательных.

Как показывает практика, такие структурные подразделения рассматриваются лицензирующими органами в качестве обособленного структурного подразделения со статусом филиала, и, соответственно, их деятельность должна подлежать лицензированию.

Кроме того, нередко методической основой и руководством к действию для лицензирующих органов являются инструктивные письма органов управления образованием, принятые в различное время. Так, в п. 2 инструктивного письма Госкомвуза РФ от 13 мая 1994 г. № 16 «О порядке создания, реорганизации и ликвидации института, колледжа в составе высшего учебного заведения» указано, что институт, колледж, как и другое обособленное структурное подразделение высшего учебного заведения, расположенное вне места его нахождения (периферийное подразделение), создается, реорганизуется и ликвидируется в порядке, установленном для филиалов вузов. В дальнейшем позиции раздельного местонахождения образовательного учреждения и филиала ранее придерживалось Минобразования России. Представители уполномоченного ведомства исходили из того, что если структурное подразделение и вуз находятся в одном населенном пункте, то подразделение не является филиалом; в иной ситуации статус филиала, как и отдельная лицензия «обособленного подразделения», обязательны.

В то же время необходимость определения статуса соответствующих подразделений и получения специального разрешения была продиктована фактами нарушения законности в их деятельности, на что также указывалось и Генеральной прокуратурой еще в конце 1990-х гг. В частности, в Представлении Генпрокуратуры РФ от 6 января 1999 г. № 21-7-99 отмечается: «Многие филиалы не имеют лицензий, что говорит либо о том, что они не смогли создать минимальных условий для учебного процесса, либо о том, что

они вообще не имеют отношение к высшему образованию. В любом случае их деятельность считается незаконной и может быть прекращена в соответствующем порядке... Деятельность филиалов больше напоминает теневой бизнес, чем сферу образования. Многие из них просто паразитируют на стремлении молодежи к образованию... Многие нелицензированные филиалы вузов скрываются «под крышей» представительств вузов, которым по закону не требуется лицензирование, но и одновременно запрещена и образовательная деятельность»[1]. Отсюда следует, что филиалы, отвечая признаку обособленной структуры, должны отдельно проходить регистрацию (по месту своего нахождения - фактическому адресу) и лицензирование.

Однако правильность понимания гражданского законодательства при таком «вольном» толковании его положений, как, впрочем, и наличие юридической силы упомянутых документов на данный момент вызывают серьезные сомнения. Как минимум действующее образовательное законодательство в целях защиты прав участников образовательного процесса и упорядочения правоприменительной практики исходит из необходимости использования только тех нормативных документов (принятых в том числе до принятия Закона № 273-ФЗ), которые не противоречат действующему образовательному закону.

Подобного рода действия уполномоченных органов создают серьезные препятствия к реализации вузом его автономии в части возможности самостоятельного создания своих структурных подразделений. Как полагает С.В. Барабанова, «вузовская автономия как характеристика статуса вуза должна способствовать оптимальному распределению полномочий как между государством и вузом, так и между вузовскими подразделениями»[2]. Использование понятия автономии образовательных организаций необходимо для более точного разграничения компетенции государственных органов

[1] Макеев Н.Н. Прокурорский надзор в сфере высшего профессионального образования: необходимость совершенствования // Российский юридический журнал. 2001. № 4. С. 67.

[2] Барабанова С.В. Административно-правовое обеспечение конституционного права граждан на высшее профессиональное образование в Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. С. 35.

управления образованием и органов управления образовательными организациями. Фактически автономность предполагает определенную степень независимости в ходе принятия объективно важных решений относительно организации образовательного процесса, а также возможность самостоятельно определять его ход и особенности участия в образовательных правоотношениях[1].

Сегодня неверно связывать управление лишь с административными методами воздействия, поскольку все большую роль в управлении образовательными учреждениями играют методы координации, а не субординации. Внутривузовское управление рассматривается как один из уровней управления, который вытекает из действующей системы управленческих методов. В рамках внутривузовского управления используются современные инструменты, характеризующие управленческие связи высшей школы и государства, прежде всего регулирование и саморегулирование.

В то же время одной из причин, по которой правоприменительные органы придерживаются соответствующей практики, является позиция высших судебных инстанций. Так, Верховный Суд РФ в Определении от 20 февраля 2003 г. № КАС03-38 указал, что российским законодательством в сфере образования предусмотрено прохождение лицензирования филиалами образовательных учреждений в общем порядке, установленном для образовательных учреждений.

На наш взгляд, подобного рода практика ведет к излишним административным барьерам (необходимость прохождения процедуры лицензирования), препятствующим образовательным организациям в реализации образовательных программ в части практической подготовки обучающихся. Следует учесть, что позиция судебных органов (в частности,

[1] Кирилловых А.А., Сурманидзе И.Н. К вопросу об автономии и демократизации в организации деятельности современной высшей школы: отечественный и зарубежный опыт // Государственная политика: методология, практика, направления совершенствования. Материалы II Международной науч.-практ. конф. (25 мая 2017 г.) / под ред. П.А. Меркулова. Орел, 2017. С. 115 - 117.

решение ВС РФ от 9 февраля 2007 г. № ГКПИ06-1614) позволяет сделать вывод, что помимо филиалов и представительств организация также может создавать и иные обособленные подразделения без фиксации места их нахождения и регистрации в качестве обособленного структурного подразделения в официальном порядке. При этом статус таких подразделений определяется юридическим лицом путем издания внутренних распорядительных документов.

Гражданское законодательство не содержит прямого запрета на создание иных обособленных подразделений юридического лица, что подтверждается судебной практикой. При этом создаваемые подобного рода подразделения также выполняют функции юридического лица, т.е. реализуют его правоспособность, но в «удаленном» формате.

Полагаем, что позиция Рособрнадзора по вопросу определения обособленного структурного подразделения образовательной организации, расположенного вне места ее нахождения, в качестве ее филиала не соответствует общей направленности положений действующего законодательства и правоприменительной практики.

Кроме того, определение статуса создаваемых образовательными организациями структурных подразделений, вынесенных за пределы образовательной организации, а также подразделений, образуемых на базе иных организаций, в том числе территориально удаленных (расположенных в иных населенных пунктах), должно осуществляться с учетом обновленного образовательного законодательства (т.е. Закона № 273-ФЗ) и принятых в его развитие нормативных актов. Статус и функции структурного подразделения вуза определяются положением, утвержденным в порядке, предусмотренном уставом.

Исследуя комплекс проблем, связанных с организацией практической подготовки обучающихся, следует обратить внимание также на сферу применения положений о практической подготовке, предлагаемой в Законе № 273-ФЗ. На наш взгляд, использование в Законе термина «практическая

подготовка» для правового регулирования практической подготовки обучающихся в рамках получения медицинского (фармацевтического) образования (ст. 83), эксплуатации отдельных видов транспортных средств (ст. 84) и т.п. неоправданно сужает сферу применения этого элемента учебного процесса, поскольку не учитывает ряд иных профессиональных сфер, предъявляющих высокий уровень требований к практико-ориентированности образования будущего специалиста. Законодателем без учета оставлен пласт специальностей и направлений технического характера, требующих соответствующего объема практических знаний и навыков выпускника.

Делая шаги в нужном направлении, представляется оправданным и целесообразным при определении в Законе № 273-ФЗ конкретного перечня сфер профессиональной деятельности, в которых требуется практическая подготовка, ориентироваться на укрупненные группы направлений (специальностей). В дальнейшем предполагается возможным распространение правовых норм рассматриваемого Закона, касающихся практической подготовки, на все сферы профессиональной деятельности. Такие меры будут способствовать повышению качества образовательного процесса, а также более эффективному распределению затрат государства на подготовку специалистов в условиях глобальных экономических вызовов.

2.3 Пути совершенствования законодательства в сфере реализации права на образование

Общественные отношения находятся в процессе постоянного развития, что требует от законодателя достаточно быстрых действий по совершенствованию законодательства. Вместе с тем, ресурс законодательной работы ограничен, а изменения в общественных отношениях не имеет границ, что позволяет научно осмыслить предполагаемые пути совершенствования законодательства.

Так, предлагается увеличить с тридцати до тридцати пяти лет возраст лиц, проживающих в Российской Федерации, учитываемых при расчете количества бюджетных мест, финансовое обеспечение которых предусматривается за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета.

В настоящее время Федеральным законом от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» установлено, что высшее образование финансируется из федерального бюджета из расчета не менее чем восемьсот студентов на каждые десять тысяч человек в возрасте от семнадцати до тридцати лет, проживающих в Российской Федерации. Вместе с тем, согласно Федеральному закону от 30 декабря 2020 года № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» определено, что к категории «молодежи» относятся лица от 14 до 35 лет включительно. При этом основным аргументом в пользу увеличения возраста молодежи была возможность воспользоваться мерами государственной поддержки, например, получить пособие на рождение ребенка как молодой семье, получить стипендию как молодому ученому или получить грант по результатам конкурса молодежных проектов. Таким образом, государство заявило об особой значимости молодежи как важнейшего стратегического ресурса общества, являющейся самой сильной двигательной силой развития государства, которой, согласно официальным статистическим данным, в России составляет более 40 млн. человек.

В современной России молодежь ценит образование и стремится получить как можно больше навыков и квалификаций в молодом возрасте, поскольку в настоящее время на рынке труда наиболее востребованы высококвалифицированные работники, обладающие большим объемом знаний, за которые работодатели готовы платить соответственно большее вознаграждение и предлагать профессиональное развитие. Согласно открытым данным различных исследований, спрос среди молодежи растет не только на первое высшее образование, но и на второе, и на третье.

Важно отметить, что современная общественная тенденция указывает на то, что как таковые возрастные границы для учебы «стерты» - все больше и больше людей всех возрастов стараются постоянно учиться на различных курсах, программах переподготовки и даже осваивают совершенно новые для себя профессии. Расширенные образовательные технологии позволяют получать образование и офлайн, и онлайн. Объективно можно говорить о том, что при наличии заинтересованности и финансовых возможностей любой гражданин может освоить широкий спектр образовательных программ.

Учитывая изложенное, предлагается расширить меры поддержки молодежи, увеличив гарантированный государством лимит бюджетных мест в ВУЗах за счет повышения возраста молодежи до 35 лет, и, тем самым, конкретизировать мероприятия, направленные на вовлечение большего количества молодых людей во все сферы жизни общества.

Принимая во внимание, что финансовое обеспечение обучения по образовательным программам высшего образования осуществляется из расчета не менее чем 800 студентов на каждые 10 000 человек, то дополнительно будет выделено более 1 млн. бюджетных мест. Согласно концепции, сохраняется количество бюджетных мест, выделяемых исходя из возраста лиц от 17 до 30 лет включительно, а также предлагается выделять дополнительные бюджетные места исходя из возраста лиц от 31 до 35 лет включительно.

На основании вышеизложенного предлагается внести в статью 100

Федерального закона от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» изменение, заменив в части 2 слово «тридцати» словами «тридцати пяти».

Согласно пункту 2 части 7 статьи 13 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» в настоящий момент студент может пройти производственную практику лишь в организации, то есть, согласно статье 11 Налогового кодекса Российской Федерации, юридическом лице. Таким образом, на сегодняшний день практическая подготовка обучающихся невозможна на базе индивидуальных предпринимателей.

При этом во многих сферах экономики и общественной жизни доминирующей формой хозяйствования является индивидуальное предпринимательство, общественные организации без образования юридического лица и т.д. В частности, закон «О СМИ» предполагает возможность регистрации средства массовой информации на физическое лицо без образования юридического.

С учетом роли малого и среднего предпринимательства в поддержании экономического роста, увеличения доли субъектов малого и среднего предпринимательства, обеспечивающих занятость граждан, и необходимости обеспечить студентам эффективную и реальную практическую подготовку к будущей работе понятие «организации» для практики в законе «Об образовании» требует уточнения.

Очевидно, что овладение студентов профессиональными навыками не должно быть связано с понятием «организации», закрепленным в Налоговом кодексе. Так, например, прохождение практики обучающихся по профессиям и специальностям, востребованным малыми предприятиями, в частности в сфере услуг (парикмахерское дело, поварское дело, ремонт и обслуживание автомобилей и др.) становится все более актуальным для профессионального образования - однако сейчас подобное невозможно.

На основании вышеизложенного, предлагается внести в Федеральный закон от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской

Федерации» следующие изменения:

пункт 2 части 7 статьи 13 изложить в следующей редакции:

«2) у самостоятельного хозяйствующего субъекта, организованного в любой допускаемой законом форме и осуществляющего деятельность по профилю соответствующей образовательной программы, на основании договора, заключаемого между указанным субъектом и организацией, осуществляющей образовательную деятельность.».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование права на образование и реализации его в современной России позволило сделать следующие выводы и предложения.

Под правом на образование в объективном смысле (объективное право на образование) понимается совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения, связанные с получением образования

Право на образование в субъективном смысле (субъективное образовательное право) - гарантированная государством и международным правом фактическая возможность лица обладать и пользоваться знаниями, умениями и навыками в целях повышения своего образовательного и культурного уровня.

Право на образование, закрепленное в Конституции РФ и предусмотренное основными международными договорами по правам человека, представляет собой субъективное право.

Право на образование относится к основным правам и свободам человека и производно от такого фундаментального права, как право на жизнь. Право на образование относится к правам человека второго поколения, которые объединяют основные социально-экономические и культурные права - право на труд, отдых, жилище, социальное обеспечение, охрану здоровья, доступ к культурным ценностям и т.д. (правами первого поколения по этой терминологии считаются личные и политические права, а правами третьего поколения - коллективные права на мир, здоровую окружающую среду, развитие и др.).

Право на образование - одно из наиболее значимых социальных прав человека, которое создает необходимую предпосылку развития человека как личности, влияет на состояние общества, находится в тесной взаимосвязи с политическими, экономическими и иными социальными правами человека.

Право на образование приобретается человеком естественным образом, по факту своего рождения, поскольку каждому человеку свойственно

развиваться, накапливать опыт и получать новые знания, творить и передавать все накопленное им другим поколениям.

Общественные отношения находятся в процессе постоянного развития, что требует от законодателя достаточно быстрых действий по совершенствованию законодательства. Вместе с тем, ресурс законодательной работы ограничен, а изменения в общественных отношениях не имеет границ, что позволяет научно осмыслить предполагаемые пути совершенствования законодательства.

Так, предлагается увеличить с тридцати до тридцати пяти лет возраст лиц, проживающих в Российской Федерации, учитываемых при расчете количества бюджетных мест, финансовое обеспечение которых предусматривается за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета.

Принимая во внимание, что финансовое обеспечение обучения по образовательным программам высшего образования осуществляется из расчета не менее чем 800 студентов на каждые 10 000 человек, то дополнительно будет выделено более 1 млн. бюджетных мест. Согласно концепции, сохраняется количество бюджетных мест, выделяемых исходя из возраста лиц от 17 до 30 лет включительно, а также предлагается выделять дополнительные бюджетные места исходя из возраста лиц от 31 до 35 лет включительно.

Подчеркнем также недостаточность нормативного правового обеспечения в субъектах РФ создания и функционирования в местах кочевания и компактного проживания коренных малочисленных народов России дошкольных и общеобразовательных учреждений, с учетом образа жизни, языка и культуры этих народов. В числе проблем основыными являются - государственная поддержка лиц, преподающих родные языки коренных малочисленных народов в образовательных организациях, реализующих образовательные программы в системе начального, основного и среднего общего образования на территории муниципальных образований, которая распространяется только на квалифицированные педагогические

кадры. В то же время по ряду языков (энецкому, нганасанскому, кетскому, чулымскому) нет квалифицированных кадров, но есть носители языка, которых рекомендуется привлекать для оказания содействия в преподавании таких языков в образовательных учреждениях. Вместе с тем подобная практика может привести к отсутствию знания обучающимися литературных форм языка ввиду сосредоточения на изучении его разговорных форм. В связи с этим серьезного осмысления требуют риски изучения разговорных форм языка по сравнению с отсутствием знания вообще о таком языке.

Дискуссионность такого подхода свидетельствует еще об одной проблеме - об отсутствии соответствующей стратегии в сфере образования по подготовке кадров для нужд жизнеобеспечения коренных малочисленных народов.

При разработке соответствующих образовательных стандартов следует ориентироваться на разное правовое положение конкретного языка (как элемента национальной самоидентификации, родного языка, государственного языка). Это должно быть учтено с целью реализации права на образование на родном языке в достаточном объеме. В законодательство возможно включение положений, направленных на появление "специального статуса" для языков коренных малочисленных народов, как сейчас имеет место в отношении статуса "языков большинства в местах компактного проживания", но не получившего существенного правового развития в законодательстве.

Внедрение названных мероприятий обогатит механизм реализации права на образование коренными малочисленными народами. Следует отметить опосредованные проблемы в реализации права на образование - проблемы с интернет-связью, не позволяющие использовать дистанционные образовательные ресурсы для учителей родных языков, низкая транспортная доступность для посещения образовательных учреждений, сложности во внедрении форм семейного образования для детей коренных малочисленных народов Российской Федерации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Нормативно-правовые акты

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 №1-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. - 2020. - № 11. - Ст. 1416.

2. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 30.04.2021) «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2012. - № 53 (ч. 1). - Ст. 7598.

Научная и учебная литература

3. Авакьян, С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность / С.А. Авакьян. 2-е изд. - М.: РЮИД, 2000. - 528 с.

4. Алебастрова, И.А. Конституционное право зарубежных стран: Учебное пособие / И.А. Алебастрова. - М.: Юрайт-М, 2001. - 638 с.

5. Дудко, И.Г. Влияние европейского права на конституционное право государств Центральной и Восточной Европы: Монография / И.Г. Дудко, И.А. Гагаева. - М.: Юрлитинформ, 2013. - 278 с.

6. Игитян, М.Ю. Государственно-частное партнерство в современной России: Монография / М.Ю. Игитян, С.Г. Камолов, А.В. Павлюк; Ответственный редактор С.Г. Камолов. - Москва: Издательство Фонда поддержки международных программ. 2017. - 520 с.

7. Калашников, С.В. Применение общепризнанных принципов и норм в сфере защиты прав человека в России: вопросы теории и практики / С.В. Калашников. - М.: ДМК Пресс, 2010. - 162 с.

8. Ковлер, А.И. Европейская конвенция в международной системе защиты прав человека: монография. / А.И. Ковлер. - М.: ИНФРА-М, 2019. - 304 с.

9. Образование: закон и гражданин / С.В. Барабанова, А.В. Богданова, З.П. Дащинская и др.; под ред. А.Н. Козырина. - М.: Редакция

«Российской газеты», 2015. Вып. 17. - 176 с.

10. Хабриева, Т.Я. Теория современной конституции: Монография / Т.Я. Хабриева, В.Е. Чиркин. - М.: Норма, 2005. - 319 с.

Публикации в научных журналах, сборниках и СМИ

11. Андриченко, Л.В. Миграционное законодательство в системе российского законодательства // Журнал российского права. - 2018. - № 3. - С. 5 - 16

12. Андриченко, Л.В., Васильева, Л.Н. Законодательство в сфере миграции: проблемы и перспективы // Журнал российского права. - 2006. - № 1 (109). - С. 7 - 11.

13. Ануфриева, Л.П. Конституция РФ и международное право: теоретический взгляд на понятия «общепризнанные принципы и нормы международного права» и jus cogens / Л.П. Ануфриева // Lex russica. - 2018. - № 12. - С. 37 - 47.

14. Аронова, С.А. Управление финансовым обеспечением как гарантия конституционного права на образование // Государственная власть и местное самоуправление. - 2018. - № 9. - С. 61 - 64.

15. Баранков, В.Л. Правовые аспекты использования сетевой, электронной и дистанционной форм реализации образовательных программ // Журнал российского права. - 2017. - № 3. - С. 129 - 137.

16. Бердышева, С.Н. Правовое регулирование отношений, связанных с оказанием услуг при использовании сетевой формы реализации образовательных программ // Актуальные проблемы российского права. - 2018. - № 12. - С. 85 - 95.

17. Бунина, С.Г. Зарождение и юридическое оформление элементов права на дошкольное образование в отечественных источниках X - XVIII вв. // История государства и права. - 2015. - № 8. - С. 52 - 55.

18. Васильева, Л.Н. Право на образование и его реализация лицами, относящимися к коренным малочисленным народам Российской Федерации // Журнал российского права. - 2020. - № 1. - С. 80 - 88.

19. Волкова, Н.С., Еремина, О.Ю. Законодательство в социальной сфере: проблемы измерения эффективности // Журнал российского права. - 2016. - № 9. - С. 44 - 54.

20. Воронина, Н.А. Интеллектуальная миграция: зарубежный и российский опыт регулирования // Труды Института государства и права Российской академии наук. - 2018. - № 6. - С. 158 – 183.

21. Гинзбург, И.В., Трошкина, Т.Н. Дистанционное образование в Российской Федерации: понятие и вопросы правового регулирования // Реформы и право. - 2013. - № 2. - С. 53 - 66.

22. Горева, О.М., Осипова, Л.Б. Современное состояние дистанционного образования в российском вузе // Современные проблемы науки и образования. - 2015. - № 2. - С. 630 - 635.

23. Гриб, В.В. Академические права и свободы - ключевой принцип взаимодействия государства и высших учебных заведений // Российский судья. - 2021. - № 4. - С. 26 - 31.

24. Еремина, О.Ю. Эффективность деятельности образовательной организации: критерии, показатели, прогнозы // Журнал российского права. - 2015. - № 10. - С. 73 - 85.

25. Зорькин, В.Д. Право будущего в эпоху цифр. Индивидуальная свобода или сильное государство? // Российская газета. - 2020. - №7. - С. 15 - 22.

26. Катамазов, А.В. Правовая характеристика статуса конституций в зарубежных странах / А.В. Катамазов // Конституционное и муниципальное право. - 2012. - № 6. - С. 22 - 26.

27. Князев, А.П. Общественные обсуждения и общественные (публичные) слушания как формы взаимодействия институтов гражданского общества с органами государственной власти и органами местного самоуправления / А.П. Князев // Административное и муниципальное право. - 2015. - № 9 (93). - С. 886 - 890.

28. Комарова, В.В. Институт народной правотворческой инициативы

(понятие, виды, правовые основы) / В.В. Комаров // Lex russica. - 2006. - № 3. - С. 462 - 470.

29. Корнев, А.В. Изучение истории политических и правовых учений в российском правоведении в XX - начале XXI в.: условия, направления, результаты // Lex russica. - 2020. - № 4. - С. 130 - 142.

30. Котов, В.В. Общественный финансовый контроль в США: исторический и правовой аспекты / В.В. Котов // Современное право. - 2009. - № 2. - С. 108 - 112.

31. Макеев, Н.Н. Прокурорский надзор в сфере высшего профессионального образования: необходимость совершенствования // Российский юридический журнал. - 2001. - № 4. - С. 67 - 77.

32. Матренина, К.Ю. Электронные публичные слушания как дополнительный механизм проведения публичных слушаний / К.Ю. Матренина // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. - 2012. - № 3. - С. 112 - 115.

33. Михеев, Д.С. К вопросу о формах общественного контроля / Д.С. Михеев // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. - 2018. - № 1 (13). - С. 66 - 70.

34. Молчанов, Н.А. Правовое регулирование науки и образования в интересах национальной безопасности в условиях сетевого общества // Lex russica. - 2019. - № 11. - С. 124 - 130.

35. Морозова, Л.А. Влияние глобализации на функции государства / Л.А. Морозова // Государство и право. - 2006. - № 6. - С. 105 - 106.

36. Осипов, М.Ю. К вопросу о создании научных юридических клиник в России // Журнал российского права. - 2016. - № 10. - С. 144 - 150.

37. Перевалов, В.Д. Взаимодействие правовых систем: теоретические аспекты / В.Д. Перевалов // Российский юридический журнал. - 2014. - № 5. - С. 7 - 14.

38. Переплеснина, Е.М. Механизм реализации конституционных

предписаний о включении в правовую систему России общепризнанных принципов и норм международного права, международных договоров Российской Федерации / Е.М. Переплеснина // Международное публичное и частное право. - 2019. - № 3. - С. 38 - 42.

39. Пибаев, И.А., Симонова, С.В. Алгоритмы в механизме реализации конституционных прав и свобод: вызовы цифровой эпохи // Сравнительное конституционное обозрение. - 2020. - № 6. - С. 31 - 50.

40. Пилипенко, А.Н. Франция: к цифровой демократии // Право. Журнал Высшей школы экономики. - 2019. - № 4. - С. 185 - 199.

41. Пронина, Е.Н., Леванов, В.М. Вопросы правового регулирования дистанционного образования в медицинских вузах // Медицинское право. - 2014. - № 4. - С. 54 - 66.

42. Рассказов, Л.П. Глобализация и ее влияние на современное российское право / Л.П. Рассказов // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. - 2015. - № 56. - С. 19 - 24.

43. Сперанский, М.М. Предложение к окончательному составлению законов // Русская старина. - 1876. - № 2. - С. 1 - 9.

44. Тамаев, А.М. Общественное (публичное) обсуждение проектов законодательных и иных нормативных правовых актов как инструмент открытого правительства в России / А.М. Тамаев // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. - 2015. - № 5 (60). - С. 59 - 62.

45. Фомин, Р.С. Общественные градостроительные порталы как альтернатива публичным слушаниям в области градостроительства / Р.С. Фомин // Скиф. Вопросы студенческой науки. - 2018. - № 7 (23). - С. 55 - 58.

46. Хабриева, Т.Я. Миграция в России: о модели правового регулирования // Журнал российского права. - 2006. - № 7. - С. 3 - 9.

47. Харитонов, С.И. Гарантии конституционных прав и свобод граждан в условиях особых правовых режимов // Юрист. - 2020. - № 12. - С. 53

- 58.

48. Хлуднев, Е.И. Общественные обсуждения и публичные слушания как формы участия населения в осуществлении местного самоуправления и формы общественного контроля / Е.И. Хлудняев // Государственная власть и местное самоуправление. - 2019. - № 3. - С. 37 - 40.

49. Шелтон, Д.И. Средства защиты прав человека в международном праве / Д.И. Шелтон // Государство и право. - 2004. - № 3. - С. 1 – 7.

50. Шугрина, Е.С. Автономия вуза и академические свободы: соотношение международного и национального правового регулирования / Е.С. Шугрина // Актуальные проблемы юридического образования. - 2013. - № 8. - С. 1041 - 1049.

ОТЗЫВ НАУЧНОГО РУКОВОДИТЕЛЯ
на бакалаврскую работу

студентки группы № 17ЮЮ3
юридического института Пензенского государственного университета
Старкиной Александры Владимировны
Тема: Право на образование и его реализация в современной России

1. Актуальность, новизна темы. Актуальность темы выпускной квалификационной работы обусловлена значимостью образования для экономического и политического развития нашей страны, а также существенными изменениями образовательных технологий, происходящими в последние годы. **Новизна работы** заключается в том, что в ней предпринимается попытка комплексного анализа сущностных и проблемных аспектов права на образование в Российской Федерации, в том числе особенностей реализации этого права с использованием дистанционных технологий обучения в условиях распространения коронавирусной инфекции.

2. **Оценка полноты и качества выполнения задания на выпускную квалификационную работу.** Представляется, что автор работы достаточно полно раскрыл тему, рассмотрев как теоретические, так и практические аспекты поставленной проблемы.

3. Положительные стороны выпускной квалификационной работы. Работа имеет четкую, логичную структуру. План работы позволяет исследовать избранную тему в полном объеме. В первом разделе работы исследуется понятие и сущность права на образование, его место в системе прав личности, а также особенности законодательного закрепления этого права на различных этапах развития российского государства. Второй раздел посвящен проблемным аспектам реализации права на образование (в том числе развитию дистанционных технологий, расширению практической направленности высшего образования). Один из параграфов (2.3) содержит в себе обоснованные предложения автора относительно совершенствования законодательства об образовании в Российской Федерации, что является достоинством выпускной квалификационной работы.

4. Замечания и недостатки по выпускной квалификационной работе Работа выполнена на хорошем уровне. Недостатки устранены в процессе работы над исследованием.

5. Рекомендации по использованию выпускной квалификационной работы Материалы и выводы работы могут быть использованы в рамках дальнейших научных исследований права на образование, а также при разработке учебных курсов «Конституционное право» и «Сравнительное конституционное право».

6. Самостоятельность и творческий подход при подготовке выпускной квалификационной работы При проведении исследования автор проявил добросовестность и творческий подход, своевременно выполнял все задания научного руководителя.

7. Выпускная квалификационная работа Старкиной Александры Владимировны **соответствует установленным требованиям и может быть допущена к защите. Работа заслуживает отличной оценки.**

8. Дополнительная информация для ГАК:_____

Научный руководитель:

кандидат юридических наук,
доцент _____ А.В. Александрова
«03» 06 2021 г.

АНТИПЛАГИАТ
ТВОРИТЕ СОБСТВЕННЫМ УМОМ

СПРАВКА

о результатах проверки текстового документа
на наличие заимствований

Пензенский государственный университет

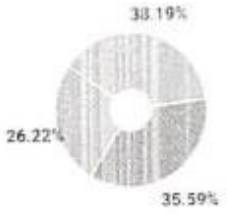
ПРОВЕРКА ВЫПОЛНЕНА В СИСТЕМЕ **АНТИПЛАГИАТ.ВУЗ**

Автор работы:	Старкина Александра Владимировна
Самоцитирование рассчитано для:	Старкина Александра Владимировна
Название работы:	Право на образование и его реализация в современной России
Тип работы:	Выпускная квалификационная работа
Подразделение:	17ЮЮЗ

РЕЗУЛЬТАТЫ

ЗАИМСТВОВАНИЯ	35.59%
ОРИГИНАЛЬНОСТЬ	38.19%
ЦИТИРОВАНИЯ	26.22%
САМОЦИТИРОВАНИЯ	0%

ДАТА ПОСЛЕДНЕЙ ПРОВЕРКИ: 29.05.2021



Модули поиска: ИПС Адилет; Библиография; Сводная коллекция ЭБС; Интернет Плюс; Сводная коллекция РГБ; Цитирование; Переводные заимствования (RuEn); Переводные заимствования по eLIBRARY.RU (EnRu); Переводные заимствования по Интернету (EnRu); Переводные заимствования издательства Wiley (RuEn); eLIBRARY.RU; СПС ГАРАНТ; Медицина; Диссертации НББ; Перефразирования по eLIBRARY.RU; Перефразирования по Интернету; Патенты СССР, РФ, СНГ; Модуль поиска "ПГУ"; СМИ России и СНГ; Шаблонные фразы; Кольцо вузов; Издательство Wiley; Переводные заимствования

Работу проверил: Александрова Анна Викторовна

ФИО проверяющего

Дата подписи: 03.06.21 г.

Подпись проверяющего

Чтобы убедиться в подлинности справки, используйте QR-код, который содержит ссылку на отчет.

Ответ на вопрос, является ли обнаруженное заимствование корректным, система оставляет на усмотрение проверяющего. Предоставленная информация не подлежит использованию в коммерческих целях.